

Под Смоленском

ГДЕ-ТО под заснеженным Смоленском,
Где чихал простуженный вокзал,
Думал я о Вечном, о Вселенском,
И о чём любимой не сказал.
Суетился людный муравейник,
Плыл в туманных голубых клубах...
Фонари у заспанной кофейни
Сонно лбы клонили на столбах.
И плыла Вселенная по кругу,
Мысли уносились в пустоту...
Если сдую в этот раз разлуку,
Значит, точно счастье обрету.
Теплилась последняя надежда
Угольком в прокуренной груди, —
Боже, подскажи душе мятежной,
Что ей ждать от жизни впереди?
А туман расплылся белой лужей
По глухой безлюдной мостовой...
Боже, я разлуками простужен,
Я за ней хоть в омут с головой!
Ничего мне небо не сказало,
Кутаясь в седой рассветный смог...
Я глядел в глаза, в глаза вокзала,
Но прозреть грядущее не смог!

Странник

ГРЕЕТ ДУШУ стылая дорога —
Та, что бездорожьем дорога.
Огонёк случайного порога,
Чарка, да краюха пирога.

Что ж его в скитанья гонит, манит,
Как порывом ветра облака?
Кто-то вновь прогонит и обманет,
Боль вобьёт кувалдой кулака...

А окрест кресты церквей, погостов —
Прочь от потрясений, катастроф!
Счастья неопознанного остров
Скрыт в дыму скитальческих костров.

Знать, приют найдёт он лишь у Бога,
У небес за пазухой найдёт...
Стёжка от порога до порога —
Жизнь: холодный пламень, жгучий лёд...

Ни семьи, ни веры, ни жилища —
Ветер-сплетник в спину, да молва.
Что же странник в жизни странной ищет
С правом на безправье и права?

В ДЫМУ ЭПОХ

ЛИЖУТ СУМЕРКИ лунную сдобу,
Догорел золотой закат...
По сугробу ползу, по сугробу, —
То ли в рай ползу, то ли в ад.

За плечами шальная юность,
Пред глазами туманы бед, —
Здесь на кромке земли споткнулась
Тень земная о Божий свет.

За плечами горит Сорок Третий,
Сорок Пятый горит впереди.
За земное земные в ответе,
Как злой штык за дыру в груди.

Боль тупая крутила утробу,
Взгляд скитался в дыму эпох...
По сугробу ползу, по сугробу,
В край, где снова ждёт в гости Бог.

В дымном мареве сна я видел:
Лёд Чудского в крови потел...
Не в обиде я? — Нет, в обиде
За сугробы кровавых тел.

. . . . .

Из судьбины в судьбу кочую,
С поля брани на поле битв,
И нутром всё острее чую:
Враг не скоро будет разбит!

✿ ✿ ✿

ДАЛЕКО В ГОРАХ, за перевалами,
Где луна красуется в ночи,
Целовал тебя я в губы алые,
Обещая райские ключи.

Обольщал признаниями нежными,
О любви великой говорил...
Под твоими лёгкими одеждами
Не заметив пару белых крыл.

Вознеслась душа свободной птицею
В несказанный, выдуманный рай,
Чтоб упасть на землю и разбиться ей —
А потом, как звали, поминай!

Не заметил, выпив радость скорую,
Как ты крылья к небу вознесла...

Затянулась мраком даль, которая
Только что была светлым-светла.

И вдали, в горах, за перевалами,
Где Луна красуется зарёй,
Я узрел над сполохами алыми:
Белый ангел плакал над землёй!

Три дракона

ТРИ ДРАКОНА в моей поселились душе:
Золотой, ало-красный и белый!
И попробуй их выгнать оттуда взащей —
Обжились и живут, что ни делай!

Золотой — огнедышит излишеством благ —
Он губительным болен пороком!
Он мой самый заклятый, отъявленный враг —
Он в злодействе не ведает сроков!

Ало-красный — он плотскою страстью сражён,
Обуян похотливой натурой!
Он меняет любовниц и преданных жён,
Дорожа ярко-красною шкурой!

Ну, а белый — пристрастен излишне к вину:
Топит в зелье все светлые чувства...
Он во мне пробуждает порой сатану,
Он доводит до грани безумства!

Я с драконами вечную битву веду
Не за лавры мучительной славы!
И мерещится мне, как в похмельном бреду,
Отрастают снесённые главы.

Но я верю, что там, у последней черты,
Где архангел склонился в молитве,
Разорву этим тварям поганые рты
В роковой и решающей битве!

✿ ✿ ✿

НОЧЬ ОПУСТИЛАСЬ... Вокруг тихо-тихо —
Слышно дыхание звёзд.
Мягко ступая, крадётся волчиha
Меж белоствольных берёз.

Поле застелено саваном белым —
Нынче лютует зима!
Месяц дрожит и глядит оробело
С чёрных небес на дома.

Вот и деревня раскинулась плоско
Вдоль проторённой межи.
Режет шершавого снега извѣстка,
Будто стальные ножи.

Вот и знакомый курятник в сугробе,
Сотня неспешных шагов...
С голоду крутит в горячей утробе,
Смерть нынче любит волков.

А далеко где-то, в логове волчьем,
Семеро серых волчат.
Их то от боли голодной вдруг скорчит,
То они вдруг замолчат.

И не пугает ни дуло берданки,
Ни зубоскальный капкан.
Хоть выживают не часто подранки
От нанесѣнных им ран.

Только б охоту сейчас не испортил
Лай окаянных собак!
Только б хозяин не выкинул фортель,
Выйдя в предупреденный мрак.

Небо алеет... Вокруг тихо-тихо,
Щѣлкнул внезапно затвор...
В саване, красном от крови, волчица
В небо уставила взор.

ОПУСТЕЛА в деревне избѣнка:
Помер дед, следом бабка ушла.
Красный угол, лампадка, иконка,
Да в нетопленной печке зола.

И не скрипнет теперь половица,
Из трубы не завѣётся дымок.
Только будет избѣнке той снится,
Будто кто-то скребѣт о порог.

Лишь луна в час ночной сиротливо
Глянет с неба в пустое окно, —
Да берѣзы расхристанной грива
Пошуршит на ветру о гумно.

Но порою доносятся звуки
Из-за треснувшей печки в углу.
И во тьме чьи-то тонкие руки,
Мнится, щупают зыбку ю мглу.

И как будто бы всхлипы ребѣнка
В предрассветной слышны тишине.

И тогда замирает избѣнка —
Домовой тихо плачет во сне.

Я НЕ ЗНАЛ, что она сразу влюбится,
Что влюблюсь — всё не верил никак.
Повстречались однажды мы в Люберцах,
Разошлись навсегда в Вешняках.

У весны скоротечно дыхание,
У зимы крут и долог разбег.
Почту милой засыпал стихами я,
И в любви ей поклялся навек.

Что случилось зимою — не верится,
Но утих нашей страсти пожар.
То ль завьюжила чувства метелица,
То ли спало всевластие чар.

Год в разлуке, но нету известия —
Одиночества тягостен гуж.
Может, с новым она заневестилась,
Может, дома ждѣт ласковый муж.

Может, снова в кого-нибудь влюбится,
Только я не влюбляюсь никак.
На года мы знакомились в Люберцах,
На века разошлись в Вешняках!

ОПЯТЬ ГОРИТ кострами осень —
Пожаром пурпурной земли.
Веселье летних дней уносят
В седые дали журавли.

Горят кленовые поленья —
Заря багряная горит.
И в разноцветном оперенье
Чудное облако парит.

В высоких хлябях небосвода
Слышны раскаты дальних гроз.
В унынье хмурится природа,
Оплакав лето ливнем слѣз.

А за кулисами, в гримѣрке
Эстрады летней, втихаря,
Октябрь выглянул за шторки,
Готова выход ноябрь.